

◀ **Фонтан в честь Августина на площади Августиплац в Вене.**

Фото: © Thomas Ledl / CC BY-SA 3.0 AT / Wikipedia

Милый Августин:

ОТРАЖЕНИЕ В КАПЛЕ ВОДЫ

Фото: Unbekannt, "Augustin, der erste Volksänger", 1873, Wien Museum Inv.-Nr. W 9577, CC0 (<https://sammlung.wienmuseum.at/objekt/558886/>)

Каждая нация живет в плену стереотипов.

Если говорят о французах – то обязательно вспоминают **багеты, вино и вальс под аккордеон**. И хотя далеко не каждый житель Парижа питается только багетами, утоляет жажду одним вином, а свободное время тратит лишь на танцы под песни Ива Монтана и Эдит Пиаф, шаблонное представление о французах куда крепче и стабильнее, чем сама французская реальность.

Если в Европе вспомнят о русских – то обязательно где-то в сознании возникнут **водка**

(до сих пор, надо сказать, ведутся споры, действительно ли Россия – родина водки). Или «**Калинка-малинка**» (песня, кстати, не народная – она написана фольклористом Иваном Ларионовым). Или **матрешка** (тоже не совсем народный промысел – первые деревянные расписные куклы, вставляющиеся друг в друга, были изготовлены в 1890 году токарем Василием Звездочкиным и оформлены живописцем Сергеем Малютиным). И тут мифы живут своей жизнью, а жизнь своими мифами.

Ну а с чем ассоциируются немцы? Понятное дело, с **пивом и сосисками**. А еще – с веселым **вальсом про милого Августина**. Наверное, нет такого европейца, который, услышав эту мелодию, тут же не вспомнил бы про Германию. И это тоже музыкальный стереотип.

Но давайте посмотрим на него повнимательнее. Иногда в маленькой детали, как в капле воды, отражается огромное пространство. А сама она в корне меняет наше устоявшееся представление о самом привычном. Итак...

Во-первых, есть серьезные основания полагать, что Августин – не плод чьей-то фантазии и не герой легкомысленной песенки, а совершенно реальный человек.

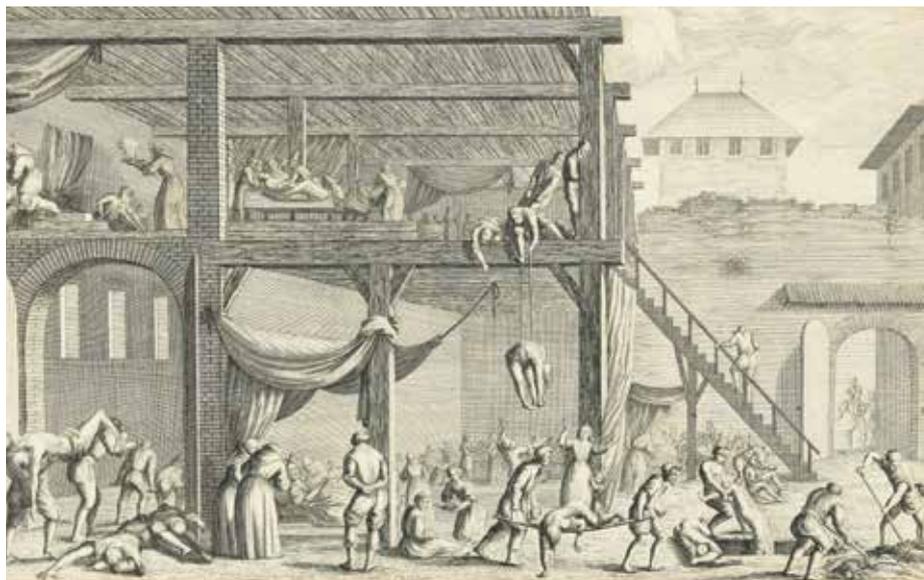
Во-вторых, Августин – не немец, а австриец. Кажется, нет такого жителя Вены, который не знал бы о музыканте Августине. И все-таки мы еще раз

расскажем о нем – на случай, если кто-то по разным причинам не слышал этой истории.

В XVII веке в Вене жил музыкант по имени Августин. Он играл на волынке и странствовал от кабака к кабаку, развлекавая завсегдатаев питейных заведений. Он пел песни, которые тогда были в ходу, а также разбавлял их описаниями собственного сочинения. Судя по всему, он был хорошим артистом и мастерски умел импровизировать, потому что его имя знала вся вечерняя и ночная Вена. В противном случае о нем не осталось бы никакой памяти.

Августин легко входил в контакт с гостями и безошибочно угадывал их настроение. Под настроение он подбирал ту или иную песню, а поэтому умел заработать, и к тому же редко ходил трезвым. В общем, все шло довольно гладко, пока в 1679 году в Вене не разразилась **эпидемия чумы**. Город опустел, люди разбрелись по домам, и только самые отчаянные продолжали радоваться жизни, сидя за пивом и вином в старом городе...

Позволим себе небольшое отступление. Выражение «*пир во время чумы*» давно стало шаблоном, а шаблон, как правило, не оставляет никаких впечатлений. Но давайте вспомним недавнюю пандемию коронавируса. Сколько людей оставалось дома? Сколько мер было принято государством, чтобы эпидемия не распространялась? И, в конце концов, как было неуютно и неприятно – Вена опустела, и никто не знал, как будет развиваться ситуация.

▲ Госпиталь с больными чумой.

Фото: Lodovico Burnacini (Künstler), Spital mit Pestkranken, 1679, Wien Museum Inv.-Nr. 20891, CC0 (<https://sammlung.wienmuseum.at/objekt/52657/>)

...Похоже дела обстояли и в Вене времен чумной эпидемии. Большинство горожан закрылись по домам, а кто-то шел в таверны, пил и веселился. Своим кабацким маршрутом шел и Августин – пел и веселил пьющих, ну и охотно пил вместе с ними. Время было страшное, но, видимо, был и заработок.

Последняя таверна, лежавшая на пути тогдашнего маршрута Августина, называлась **Griechenbeisl** – греческая таверна. Она есть и сейчас, рядом с греческой церковью. Много веков подряд там селились торговцы и ремесленники из Греции, которые всегда любили попить, попеть и поплясать. Там, видимо, Августин и выпил свою критическую дозу, после чего упал на мостовую и заснул...

Сегодня улица **Грабен**, которая находится примерно в двухстах метрах от знаменитой греческой таверны, – одна из самых уважаемых торговых и банковских улиц города.

Но вспомним: немецкое слово *Graben* переводится как «канавка» или «ров». И во время чумы это был обычный ров, куда скидывали покойников, подобранных на улицах.

▲ Памятник Августину на здании кафе Грехенбайсл в Вене.

Фото: Zenit / Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 / Wikipedia

В общем, городские санитары приняли пьяного Августина за очередную безмянную жертву чумы и без особых колебаний погрузили его бесчувственное тело в телегу с другими мертвецами, а затем сбросили вместе с остальными в тот самый ров.

Под утро Августин протрезвел и обнаружил себя во рву среди множества мертвецов. От ужаса и похмелья он во всю мощь заиграл на волынке и стал звать на помощь. В конце концов его как-то вытащили. Он остался жив. Более того: он даже не заразился страшной болезнью и еще долго ходил по кабакам, пока не умер то ли от насморка, то ли от перепоя. Есть разные сведения о продолжительности его жизни. Но счет идет на годы, а некоторые источники говорят, что смерть Августина наступила почти через тридцать лет после того страшного падения в ров...

Еще одна маленькая деталь. Исследователи буквально вцепились в церковные книги, где была засвидетельствована смерть музыканта. Дело в том, что в матрикулах он значился как *Augustin N.* Но, сколько ни пытались разгадать его фамилию, так ничего и не получилось. N. – не инициал, открывающий новые биографические данные Августина, а простое следствие бюрократии. Когда церковный писарь не имел других данных, кроме имени, он просто писал: N. Что по-немецки означало «*namenlos*» (без фамилии).

Да, настоящий клоун и шут – всегда артист. Он рассказывает о трагических вещах. Вот как звучит точный перевод песни, которую написал Августин:

▲ Августин просыпается в чумной яме. На заднем плане – собор Святого Стефана. Адам Бреннер, 1841 г.

Фото: Wikipedia

*Ох, милый ты Августин,
Августин, Августин,
Ох, милый ты Августин,
Всё пропало!
Деньги пропали, человек
пропал,
Всё пропало, Августин!
Ох, милый ты Августин,
Всё пропало.
Платья нет, трости нет,
Августин лежит в грязи.
Ох, милый ты Августин,
Всё пропало.
И даже богатая Вена
Пропала, как и Августин;
Плачьте со мною вместе,
Всё пропало!
Каждый день был праздником,
И что теперь? Чума, одна
чума!
Только большие погребения,
Вот и всё.
Августин, Августин,
Короче, ложись в могилу!
Ох, милый ты Августин,
Всё пропало!
Ох, милый ты Августин,*

*Августин, Августин,
Ох, милый ты Августин,
Всё пропало!*

А до нас дошел только легкомысленный припев: «*Ах, мой милый Августин, всё прошло, всё...*»

Это очень показательная история. Мы знаем Вену как город, где каждый угол и камень – огромное культурное наследие. Сегодня оно доходит до нас в легком, изящном и изысканном виде. Свет, ирония, юмор – все это неотъемлемая часть венского наследия. Это бесспорный факт.

Думаешь и о другом. Вена – такой же земной город, как и многие другие в мире, и на ее долю действительно выпало немало бед и лишений. И все-таки беды и лишения позабыты, а венский шарм известен всему миру.

Как тот самый Августин.

**Александр Иванов,
г. Вена**